

Полицейская и следственная деятельность

Правильная ссылка на статью:

Миронов А.Н. Экстрадиция и права человека // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.3.75536 EDN: KUGOEH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75536

Экстрадиция и права человека

Миронов Анатолий Николаевич

соискатель; Сектор уголовного права, уголовного процесса и криминологии; Институт государства и права РАН
Заведующий филиалом, адвокат; Филиал № 5 Московской коллегии адвокатов «Защита»

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

✉ Anatolymironov1@gmail.com

[Статья из рубрики "Полиция и защита прав человека"](#)

DOI:

10.25136/2409-7810.2025.3.75536

EDN:

KUGOEH

Дата направления статьи в редакцию:

12-08-2025

Дата публикации:

19-08-2025

Аннотация: Значение экстрадиции обусловлено ее функциями. Будучи закрепленной в международно-правовых актах и межгосударственных договорах, характеризует сотрудничество стран в противодействии преступности, восстановлении социальной справедливости, способствует укреплению международного правопорядка, реализации принципа неотвратимости наказания лиц, совершивших преступление в одном государстве и затем скрывшихся на территории другого государства. Обладая превентивным потенциалом, экстрадиция оказывает предупредительное воздействие, обеспечивает социальную реабилитацию осужденных. Изучение систем экстрадиции как одной из важнейших форм международного сотрудничества остается актуальной задачей для гармонизации и унификации международного права и выработки единой модели для более эффективного развития и реализации процедур экстрадиции, в том числе обеспечение прав человека. При экстрадиции в первую очередь возникают вопросы запрета смертной казни, а также недопущения дискриминации, пыток и другого

жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания. Метод, методология исследования. При подготовке настоящего исследования автором использовались такие методы, как формально-юридический, сравнительный, а также методы анализа, индукции и дедукции. Правила о запрете пытки, других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания имеют универсальный характер, не подлежат дерогации, закреплены не только в специальных международных и национальных актах, регламентирующих экстрадицию, но и в актах международного гуманитарного права. Достаточностью гарантий, выданных органом государства, обладающим соответствующими полномочиями согласно национальному законодательству, исходя из смысла международно-правовых актов, следует признавать такой их уровень, который безусловно свидетельствует о неисполнении запрашивающим государством смертного приговора, если он уже постановлен, или об отказе от назначения судом смертной казни. Диалектическое противоречие между оказанием правовой помощи в рамках межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью и обеспечением прав человека при его экстрадиции кроется в самой природе этих институтов. Избежать коллизии можно законодательно обеспечив совместимость нормативных правовых актов, образующих их правовую базу, в чем должны быть заинтересованы государства, участвующие в процедуре выдачи преступника. При создании угрозы нарушения фундаментальных прав человека международные учреждения и национальные суды признают приоритет прав человека, вытекающих из международных или межгосударственных правозащитных договоров.

Ключевые слова:

экстрадиция, выдача лица, передача лиц, смертная казнь, пытки, дискриминация, правовая помощь, экстрадиционное право, международное право, уголовное право

Обеспечение прав человека при экстрадиции в первую очередь охватывает запрет смертной казни [\[1\]](#), дискриминации, пыток и другого жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания. В литературе выделяются и иные обстоятельства: соблюдение процессуальных гарантий в отношении экстрадируемого, *non bis in idem* (с лат. – «не дважды за одно и то же») и т. д. «Однако ... надо иметь в виду, что защита лица, подвергающегося процедуре экстрадиции, зачастую производится не напрямую, а как бы «опосредованно», через защиту тех прав, которые предусматривают соответствующие универсальные и региональные международные инструменты...» [\[10, с. 120\]](#).

В ряду запретов первой вполне обоснованно стоит смертная казнь. В этом виде наказания сошлись воедино два важных составляющих: во-первых, инструмент осуществления уголовной политики государства и, во-вторых, право на жизнь. Именно в связи с последним обстоятельством смертная казнь перестала быть внутренним делом отдельного государства, став предметом особого внимания международного сообщества. Этот вид уголовного наказания в последнее время упоминается во многих международно-правовых актах, посвященных правам человека [\[2, 3\]](#).

Так, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 1950) предусматривает охрану права на жизнь каждого индивида [\[4\]](#). Протокол № 6 к Конвенции (Страсбург, 1953) провозгласил (ст. 1): «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть

приговорен к смертной казни или казнен».

Этот Протокол стал первым международно-правовым актом, запретившим указанный вид наказания; следовательно, государства, являющиеся участниками этой Конвенции, приняли на себя обязательство исключить смертную казнь из числа национальных мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступление. Надо особо отметить, что Конвенция и Протокол к ней охраняют не жизнь, а право на жизнь, защищают индивида от лишения его жизни государством.

Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни в любых обстоятельствах пошел дальше упомянутого Протокола № 6. Если последний допускал смертную казнь за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны, то Протокол № 13 провозглашает ее абсолютную отмену. При этом согласно ст. 2 Протокола отступление от его положений, частичная их отмена (дерогация) не допускаются [\[5\]](#).

Европейская конвенция о выдаче (Париж, 1957) содержит специальную норму, регламентирующую экстрадицию лица за совершенное деяние, которое законодательством запрашивающего государства наказывается смертной казнью. В ст. 11 Конвенции говорится: «Если преступление, в связи с которым запрашивается выдача, наказуемо смертной казнью в соответствии с законом запрашивающей Стороны, и если в отношении такого преступления смертная казнь не предусматривается законом запрашиваемой Стороны или обычно не приводится в исполнение, в выдаче может быть отказано, если запрашивающая Страна не представит таких гарантий, которые запрашиваемая Страна считает достаточными, о том, что смертный приговор не будет приведен в исполнение».

Типовой договор ООН о выдаче, принятый резолюцией 45/116 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г., в числе факультативных оснований для отказа (ст. 4) называет и возможность назначения запрашивающим государством наказания в виде смертной казни. Преодолеть это препятствие можно лишь представив запрашиваемому государству достаточные гарантии не наказывать экстрадируемого таким образом.

Положение о гарантиях в рассматриваемой ситуации, ставшее в международном праве обязательным, воспринято национальным законодательством ряда стран (Франции, Швейцарии и др.).

Как нам представляется, Азербайджанская Республика является единственным государством на постсоветском пространстве, принявшим специальный закон «О выдаче (экстрадиции) лиц, совершивших преступление» (Баку, 2001) (*Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 2001. № 386*). Закон допускает отказ в выдаче запрашиваемого лица, если за преступление, являющееся основанием для выдачи лица, законодательством запрашивающего иностранного государства предусмотрена смертная казнь.

Достаточность гарантий, о которой говорится в конвенциях, – понятие оценочное. Исходя из смысла международно-правовых актов, можно предположить, что речь идет о таком их уровне, который безусловно свидетельствуют о неисполнении запрашивающим государством смертного приговора, если он уже постановлен, или об отказе от назначения судом смертной казни. При этом, как обоснованно заметил А. Б. Мезяев, необходимо, чтобы указанные гарантии были выданы органом иностранного государства, обладающим соответствующими полномочиями согласно национальному

законодательству [\[6, с. 86\]](#).

А. Б. Мезяев также считает необходимым учитывать и общую ситуацию в запрашивающем государстве, закрепив данный критерий приемлемости гарантий запрашивающей стороны в законе [\[6, с. 86\]](#). Н. А. Сафаров, в целом соглашаясь с этим предложением, высказывает ряд оговорок. Он пишет: «Ситуация, связанная с соблюдением основных прав и свобод человека, обеспечением законности и правопорядка в запрашивающем государстве при наличии риска вынесения смертного приговора, непременно должна быть предметом оценки... Однако даже наличие "постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека" в конкретном государстве еще не дает оснований для утверждения, что лицу будет угрожать применение пыток или какого-либо запрещенного обращения. Необходимы конкретные данные, указывающие, что опасность будет угрожать лично тому индивиду, в отношении которого предпринимаются меры по его ... выдаче» [\[10, с. 136\]](#).

Руководство по вопросам взаимной правовой помощи и экстрадиции, подготовленное Управлением ООН по наркотикам и преступности (Вена, 2012), в ситуации, когда внутреннее законодательство запрашиваемого государства содержит положения об отказе в экстрадиции на основании возможного назначения смертной казни, рекомендует этому государству следующие варианты действий:

- 1) попытаться заручиться гарантиями запрашивающего государства или получить от него информацию о том, что если подозреваемый будет признан виновным и осужден, смертная казнь назначена не будет;
- 2) если это юридически возможно, вести дело в своей юрисдикции, учитывая общность преступлений;
- 3) добиваться возвращения подозреваемого из запрашивающего государства по вынесении приговора, с тем чтобы данное лицо отбывало наказание в юрисдикции запрашиваемого государства.

«Даже если запрашиваемое государство, – говорится в указанном Руководстве, – имеет конституционные или иные запреты на экстрадицию в государство, где за инкриминируемое преступление возможна смертная казнь, оно, вероятно, может уважительно отнестись к просьбе этого запрашивающего государства и при этом соблюсти свои юридические и/или конституционные обязательства» [\[11, с. 51\]](#).

Следует сказать, что выдача лица запрашивающему государству за преступление, которое наказывается смертной казнью, аккумулирует ряд проблем, игнорирование которых может привести к нарушению прав и законных интересов экстрадируемого, международных обязательств государства в сфере защиты права на жизнь, наконец, к ответственности последнего. Разумеется, суть вопроса глубже и сложнее, чем просто несоблюдение соответствующих правил экстрадиции; она обусловлена, по нашему мнению, диалектическим противоречием, объективно существующим между двумя межотраслевыми институтами: оказания в различной форме правовой помощи по уголовным делам в рамках межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью и обеспечением прав человека при его экстрадиции. Целью первого является привлечение лица к уголовной ответственности, целью второго, в частности, выступают гарантии права на жизнь. Следовательно, коллизии между указанными институтами кроются в самой их природе. Избежать этого можно только одним способом: законодательно обеспечить совместимость нормативных правовых актов, образующих

правовую базу экстрадиции и сферы обеспечения прав человека. В этом должны быть заинтересованы оба государства, участвующие в процедуре выдачи преступника. При создании угрозы нарушения фундаментальных прав человека международные учреждения и национальные суды признают приоритет прав человека, вытекающих из международных или межгосударственных правозащитных договоров.

Таким образом, фактор защиты прав человека при решении вопросов об экстрадиции лица должен играть главенствующую роль, не исключаящую в том числе и отказ от выдачи преступника, использование вместо этого института иных форм международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

В международных актах и юридической литературе большое внимание уделяется защите экстрадируемого от дискриминации, т. е. ограничения прав и свобод человека или различного обращения с ним исходя из его возраста, цвета кожи, внешности, роста, веса, здоровья, психического расстройства, инвалидности, этнической принадлежности, семейного положения, национальности, вероисповедания, образования и т. д. [\[7\]](#)

Как и относительно смертной казни, запрет дискриминации нашел отражение не только в международных актах общего и специального характера, но и в национальном законодательстве.

В ст. 2 Всеобщей декларации прав человека (1948) говорится: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения .

Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете». По сути, аналогичное положение закреплено в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966). В соответствии со ст. 14 Конвенции о защите прав человека и свобод «пользование правами и свободами ... должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации...» Протокол № 12 от 4 ноября 2000 г. исключил оговорку, ограничивающую права человека и свободы только теми из них, которые были оговорены в указанной Конвенции. Сам заголовок ст. 1 Протокола – «Общее запрещение дискриминации» – свидетельствует о том, что запрет дискриминации распространяется не только на права, защищаемые Конвенцией, но и на иные права человека. Текст этой статьи гласит: «Пользование любым правом, установленным законом, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам.

Никто не может быть подвергнут дискриминации со стороны каких бы то ни было публичных властей...».

Положения о запрете дискриминации содержатся в конституциях большинства государств. Так, в ст. 19 Конституции РФ закреплены гарантии равенства всех перед законом и судом, прав и свобод граждан. В Российской Федерации запрещены любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Запрет дискриминации, сам по себе имеющий непреходящее значение, особый характер получает в сфере экстрадиции. Его игнорирование ведет не только к нарушению фундаментальных прав и свобод человека, но и искажает цель, для реализации которой осуществляется выдача преступника запрашиваемым государством. В этом случае экстрадиция как международно-правовой институт используется для решения совершенно иных задач, а не осуществления правосудия. Выдача лица в такой ситуации фактически означает не что иное, как согласие на неизбежное нарушение его прав.

Согласно ч. 2 ст. 3 Европейской конвенции о выдаче запрашиваемая сторона может отказать в экстрадиции, если у нее имеются «существенные основания полагать, что просьба о выдаче в связи с обычным уголовным преступлением была сделана с целью судебного преследования или наказания лица в связи с его расой, религией, национальностью или политическими убеждениями, или что положению этого лица может быть нанесен ущерб по любой из этих причин».

Недопустимость пытки и другого жестокого или унижающего достоинство обращения и наказания в отношении экстрадируемых отражена в ряде международно-правовых актов. Это обстоятельство органично связано с таким правом индивида, как личная неприкосновенность и человеческое достоинство. Именно поэтому правило о запрете пыток не подлежит дерогации, оно носит универсальный характер.

Согласно ст. 3 Конвенции о правах человека и основных свобод «никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». Это требование является абсолютным, отступление от его исполнения не предусмотрено даже в чрезвычайных ситуациях (ст. 15 Конвенции). Аналогичное положение закреплено и в ч. 2 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.

Помимо конвенций, регламентирующих процедуру экстрадиции, правовая защита от пыток обеспечивается и специальными международными актами – Конвенцией ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания 1984 г. и Европейской конвенцией по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство видов обращения или наказания 1987 г.

В соответствии со ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания государство не должно выдавать лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека.

В Конвенции дается определение пытки. Она означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо, в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания,

которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно.

А. И. Бойцов считает, что «лапидарность в указанных актах (Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания 1984 г., Конвенции о правах человека и основных свобод. – А. М.) формулировок оставляет открытым вопрос о том, что же такое пытка...» [\[8, с. 754\]](#)

Вряд ли с этим утверждением можно согласиться. Конечно, дефиницию пытки можно представить и в более развернутом виде, однако главное заключается в полноте представленных признаков дефинируемого определения. Перечневый метод, использованный в международном акте при описании пытки, бесспорно, имеет недостатки, но в целом, на наш взгляд, характеристика рассматриваемого понятия является информативной, приемлемой для использования в процедуре экстрадиции. Российский законодатель, описывая пытку вначале в примечании к ст. 117, а затем в примечании к ст. 286 УК РФ, за основу принял, как явствует из указанных определений, международно-правовое определение пытки [\[12\]](#).

Если пытка получила законодательное определение, то этого нельзя сказать в отношении обращения, которое может быть признано жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство человека. К тому же следует заметить, что перечень подобного отношения в международных актах оставлен открытым, что не исключает признания таковым и другого воздействия на экстрадируемого, причиняющего ему страдания. Проблема усложняется еще и тем, что выдача сама по себе как таковая, а также связанные с ней процедуры, естественно, включают в себя элементы страданий.

По мнению А. И. Бойцова, основывающегося на постановлениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), «унижением человеческого достоинства можно считать такие виды обращения, которые направлены на то, чтобы вызвать в жертвах чувство страха, подавленности и неполноценности, порождающее у них ощущение униженности и попранности, или сломить их волю, физические и моральные способности к сопротивлению. Для того чтобы признать какие-либо действия причиняющими нравственные страдания, может оказаться достаточным даже унижение потерпевшего в собственных глазах. Рассматриваемый запрет на подобное обращение преследует, таким образом, цель защиты не столько физической, сколько моральной целостности человеческой личности» [\[8, с. 754-755\]](#).

Как уже говорилось, запрет пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения имеет универсальный характер. Он предусмотрен не только специальными международными и национальными актами, регламентирующими процедуру экстрадиции, но международным гуманитарным правом. Иными словами, рассматриваемый запрет является императивным экстрадиционным требованием не только в условиях мирного времени, но и при вооруженных конфликтах. Так, в ст. 3 Конвенции о защите гражданского населения во время войны (Женева, 1949) говорится: «...запрещаются и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия...

а) посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания;

<...>

с) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение».

Статья 4 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) 1977 г., расширяет указанный перечень, дополнительно включая в него: посягательство на психическое состояние лица, любые формы телесного наказания, коллективные наказания, изнасилование, принуждение к проституции, угрозу совершения указанных деяний.

Профессор Берлинского университета А. В. Гефтер еще во второй половине XIX в. писал: «Право войны не допускает дурного обращения с пленными, произвольных действий, всякого рода насилий...» [\[9, с. 246\]](#).

Коротко подведем итоги.

1. Правила о запрете пытки, других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания имеют универсальный характер, не подлежат дерогации, закреплены не только в специальных международных и национальных актах, регламентирующих экстрадицию, но и в актах международного гуманитарного права.
2. Достаточностью гарантий, выданных органом государства, обладающим соответствующими полномочиями согласно национальному законодательству, исходя из смысла международно-правовых актов, следует признавать такой их уровень, который безусловно свидетельствует о неисполнении запрашивающим государством смертного приговора, если он уже постановлен, или об отказе от назначения судом смертной казни.
3. Диалектическое противоречие между оказанием правовой помощи в рамках межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью и обеспечением прав человека при его экстрадиции кроется в самой природе этих институтов. Избежать коллизии можно законодательно обеспечив совместимость нормативных правовых актов, образующих их правовую базу, в чем должны быть заинтересованы государства, участвующие в процедуре выдачи преступника. При создании угрозы нарушения фундаментальных прав человека международные учреждения и национальные суды признают приоритет прав человека, вытекающих из международных или межгосударственных правозащитных договоров.

Библиография

1. Пихов А. Международные договоры об экстрадиции и проблема смертной казни в Российской Федерации // Юридический мир. 2005. № 11. С. 79-80.
2. Мезяев А. Б. Проблема смертной казни в региональном международном праве // Московский журнал международного права. 2001. № 2. С. 125-154. DOI: 10.24833/0869-0049-2001-2-125-154 EDN: HWBKBC
3. Решетников Ф. М. Смертная казнь в современном мире // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 93-104.
4. Комментарий к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под ред. В. А. Туманова, Л. М. Энтина. М., 2002. 334 с.
5. Тузмухамедов Б. Р. Протокол об отмене смертной казни // Московский журнал международного права. 2024. № 2. С. 266-270.
6. Мезяев А. Б. Международные договоры об экстрадиции и проблемы смертной казни //

Государство и право. 2003. № 3. С. 79-87. EDN: OPUSLL

7. Защита личности от дискриминации / под ред. А. К. Соболевой. М., 2009. 424 с.

8. Бойцов А. И. Выдача преступников. СПб., 2004. 1130 с. EDN: UBTAJ

9. Гефтер А. В. Европейское международное право / пер. с нем. К. Таубе; предис. Ф. Ф. Мартенса. СПб., 1880. 619 с.

10. Сафаров Н. А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. EDN: QDZGHH

11. Руководство по вопросам взаимной правовой помощи и экстрадиции. Нью-Йорк, 2012.

12. Уголовное право Российской Федерации: Проблемный курс для магистрантов и аспирантов в 3 томах / М. М. Бабаев, Ю. В. Голик, Ю. В. Грачева [и др.] ; Российская академия наук, Институт государства и права. Том 1. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2022. – 728 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, экстрадиция и права человека. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Обеспечение прав человека при экстрадиции в первую очередьохватывает запрет смертной казни [1], дискриминации, пыток и другого жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания. В литературе выделяются и иные обстоятельства: соблюдение процессуальных гарантий в отношении экстрадируемого, non bis in idem (с лат. – «не дважды за одно и то же») и т. д. «Однако ... надо иметь в виду, что защита лица, подвергающегося процедуре экстрадиции, зачастую производится не напрямую, а как бы "опосредованно", через защиту тех прав, которые предусматривают соответствующие универсальные и региональные международные инструменты...» [10, с. 120]". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Следует сказать, что выдача лица запрашивающему государству за преступление, которое наказывается смертной казнью, аккумулирует ряд проблем, игнорирование которых может привести к нарушению прав и законных интересов экстрадируемого, международных обязательств государства в сфере защиты права на жизнь, наконец, к ответственности последнего. Разумеется, суть вопроса глубже и сложнее, чем просто несоблюдение соответствующих правил экстрадиции; она обусловлена, по нашему мнению, диалектическим противоречием, объективно существующим между двумя межотраслевыми институтами: оказания в различной форме правовой помощи по уголовным делам в рамках межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью и обеспечением прав человека при его экстрадиции. Целью первого является привлечение лица к уголовной ответственности, целью второго, в частности, выступают гарантии права на жизнь. Следовательно, коллизии между указанными институтами кроются в самой их природе. Избежать этого можно только одним способом: законодательно обеспечить

совместимость нормативных правовых актов, образующих правовую базу экстрадиции и сферы обеспечения прав человека. В этом должны быть заинтересованы оба государства, участвующие в процедуре выдачи преступника. При создании угрозы нарушения фундаментальных прав человека международные учреждения и национальные суды признают приоритет прав человека, вытекающих из международных или межгосударственных правозащитных договоров. Таким образом, фактор защиты прав человека при решении вопросов об экстрадиции лица должен играть главенствующую роль, не исключаящую в том числе и отказ от выдачи преступника, использование вместо этого института иных форм международного сотрудничества в борьбе с преступностью"; "Запрет дискриминации, сам по себе имеющий непреходящее значение, особый характер получает в сфере экстрадиции. Его игнорирование ведет не только к нарушению фундаментальных прав и свобод человека, но и искажает цель, для реализации которой осуществляется выдача преступника запрашиваемым государством. В этом случае экстрадиция как международно-правовой институт используется для решения совершенно иных задач, а не осуществления правосудия. Выдача лица в такой ситуации фактически означает не что иное, как согласие на неизбежное нарушение его прав"; "Если пытка получила законодательное определение, то этого нельзя сказать в отношении обращения, которое может быть признано жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство человека. К тому же следует заметить, что перечень подобного отношения в международных актах оставлен открытым, что не исключает признания таковым и другого воздействия на экстрадируемого, причиняющего ему страдания. Проблема усложняется еще и тем, что выдача сама по себе как таковая, а также связанные с ней процедуры, естественно, включают в себя элементы страданий" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует феномены экстрадиции и прав человека, которые ею затрагиваются или могут быть затронуты. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Обеспечение прав человека при экстрадиции в первую очередь охватывает запрет смертной казни [1], дискриминации, пыток и другого жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания" - пропущен пробел.

Ученый отмечает: "Избежать коллизии можно законодательно обеспечив совместимость нормативных правовых актов, образующих их правовую базу, в чем должны быть заинтересованы государства, участвующие в процедуре выдачи преступника" -

"Избежать коллизии можно, законодательно обеспечив совместимость нормативных правовых актов, образующих их правовую базу, в чем должны быть заинтересованы государства, участвующие в процедуре выдачи преступника" (см. на пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки.

Библиография исследования представлена 12 источниками (монографиями, научными статьями, учебниками). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. И. Бойцов и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы

обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Правила о запрете пытки, других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания имеют универсальный характер, не подлежат дерогации, закреплены не только в специальных международных и национальных актах, регламентирующих экстрадицию, но и в актах международного гуманитарного права. 2. Достаточностью гарантий, выданных органом государства, обладающим соответствующими полномочиями согласно национальному законодательству, исходя из смысла международно-правовых актов, следует признавать такой их уровень, который безусловно свидетельствует о неисполнении запрашивающим государством смертного приговора, если он уже постановлен, или об отказе от назначения судом смертной казни. 3. Диалектическое противоречие между оказанием правовой помощи в рамках межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью и обеспечением прав человека при его экстрадиции кроется в самой природе этих институтов. Избежать коллизии можно законодательно обеспечив совместимость нормативных правовых актов, образующих их правовую базу, в чем должны быть заинтересованы государства, участвующие в процедуре выдачи преступника. При создании угрозы нарушения фундаментальных прав человека международные учреждения и национальные суды признают приоритет прав человека, вытекающих из международных или межгосударственных правозащитных договоров"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, конституционного права, уголовного права, уголовного процесса при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении нарушений в оформлении статьи.